

О задостойнике Рождества Христова, «Любити убо нам» в свете древней коллизии монашеской аскезы и литургического творчества в древней Церкви

[Ионафан \(Елецких\), архиеп.](#)

Мы возлюбили, Дево, все блаженное молчанье,
Кое всегда от бед и страхов нас хранит!
Но, поелику нас влечёт любовь
И ко сложенью гимнов Тебе стройных,
Ты, Мати, зряще наше изволение,
Дай силу равную ему и вдохновенье!

В начале XX столетия обер-прокурор Святейшего Синода Русской Церкви Константин Петрович Победоносцев, замечательный переводчик Нового Завета на «воцерковлённый» им русский язык, был уверен, что невозможно передать, согласно его же выражению, «безобразной русской фразой» смысл и красоту церковнославянского задостойника праздника Рождества Христова «Любити убо нам» или гимна «Иже херувимы». А, тем более, положить их переводы на ноты. Эти гимны К. Победоносцев считал эстетически «непереводными» даже с древнегреческого прототипа, например, задостойника Рождества Христова: «Στέργειν μὲν ἡμᾶς, ὡς ἀκίνδυνον φόβῳ, Ράον σιωπῆν, τὴν πόθῳ δὲ Παρθένε, Ὑμνοὺς υφαίνειν, συντόνως τεθηγμένους, Εργώδῆς ἐστίν, ἀλλὰ καὶ Μήτηρ σθένος, Ὅση πέφυκεν ἡ προαίρεσις δίδου».

Любопытно, что, если обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев находил, что русская лексика «безобразна» для передачи смысла и красоты богослужебных церковнославянских текстов, то другой царский министр — г-н Валуев, в своё время, напрочь отказывал в литературных достоинствах и языку украинскому.

Скепсис г-на **К. Победоносцева** отчасти оправдан: ни один из переводчиков его времени (да и ныне) не смог достичь лаконичности перевода и ясности смысла задостойника Рождества Христова. «И всё потому, — замечает анонимный автор обсуждения проблемы его перевода, — что задостойник Рождества Христова — одна из жемчужин церковной поэзии, он настолько изыскан по форме и богат содержанием, что перевести или объяснить его (по-русски) не просто» (цитата из интернет-темы: «Скоро Рождество. Переведём задостойник?»).

Таковому сложному положению способствуют и объективные обстоятельства. Известно, что порядок слов в греческом, особенно поэтическом языке довольно произвольный, ибо он не имеет грамматической функции. Кроме того, сказуемое может стоять даже впереди основного текста. Всё это приводило (и приводит) к **поливариантности перевода**, что нередко порождало творческую дискуссию между их авторами.^[1]

Как известно, употребляемый, но весьма малопонятный даже священнослужителям текст, в богослужебных книгах (праздничной минее) изложен так:

Любити убо нам,^[2]
яко безбедное^[3] страхом,^[4] удобее^[5] молчание.^[6]
Любовию же,^[7] Дево, песни ткати^[8]
спротяженносложенныя^[9] неудобно есть^[10].
Но, и, Мати, силу,^[11]
елико есть произволение,^[12]даждь^[13].

В изъяснительном переводе известного российского государственного деятеля г-на **Николая Нахимова** (Н.Ч.Заиончковский, род. 1839 — ум. 1920) задостойник принял такой образ:

С одной стороны, из страха было бы
довольно легко переносить молчание,
так как оно не грозит бедою;
С другой же, о Дева,
вследствие влечения сочинять
вдохновенно сложенные гимны,
это слишком трудно.
Но Ты, о Матерь Божия,
и даруй мне крепость,
уравновешивающую моё природное призвание. [\[14\]](#)

В кратком изложении его оппонента (по принципам перевода богослужебных текстов на русский язык) — г-на **Порфирия Мирносицкого** (род. 10.01.1867 — ум. 01.03.1936.) этот текст передан так:

Во имя страха хранить молчание,
Как безопасное, нам было б легче.
Любви же ради, ткать гимны стройные
И изощрённые нам трудно, Дева!
Но ты и силу, о Матерь Божия,
Дай таковую нам, каков наш выбор.

Профессор КДА **М. Скабалланович** предложил свой перевод:

Удобнее нам было бы по страху
предпочесть молчание, как дело безопасное,
по любви же к Тебе, Дева,
составлять стройнослуженные песни трудно,
но и Ты, Матерь, дай силу (к песням),
поскольку есть (у нас) усердие.

Проректор Саранского духовного училища (Россия, Мордовия), духовный композитор и литургист **игумен Силуан (Туманов)** творчески осмыслил задостойник Рождества Христова:

Нам ныне возлюбить удобнее молчанье,
Что помогает нам вне страха бед пребыть.
Немолчных песен, Дева, строки величальны
Любовь к Тебе не даст из бранных слов сложить.
Но, ведь, Любовь к Тебе не позволяет
Рожденье Сына Твоего нам умолчать,
И посему мы молим: даруй, Мати, силу
Тебя и словом, и всей жизнью величать.

Поэт **И. В. Маслянкин** осмыслил рождественский задостойник так:

Молчаньем мы минули б страха
Недолжным словом тайну огласить;
Любовь же нашу к прославлению Девы
И многим пеньем нам не утолить,

Но помощи воспеть Твоё величье, Мати,
И в доброй силе нам пребыть!

Перевод **Александры Георгиевны Воробьёвой**:

Из страха (благоговейного) лучше нам
предпочесть молчание, как безопасное,
слагать же из любви к Тебе
пространные песни — трудное дело,
но дай (мне), Мати, силу,
соответствующую моему желанию.

Перевод с греческого **иеродиакона Михаила (Асмуса)**:

Нам удобнее почитать молчание
как безопасное для любого страха,
слагать же по любви к Тебе
тщательно обработанные (заточенные) песни — трудное дело,
но дай мне, Мати, и силу,
соответствующую моему призванию.

В изложении академика **Сергея Аверинцева** задостойник Рождества Христова читается так:

Сколь безопасно возлюбить безмолвие;
Когда же мы, любовию подвигнуты,
О Дева, ткём напевы хитроумные,
Сколь труд сей непосилен! Дай же силы нам,
О Матерь, соразмерной изволению.

ПРИМЕЧАНИЕ: У **диакона Андрея Кураева** встречается любопытная заметка в связи с попытками изложения по-русски задостойника Рождества Христова: «...Есть... вполне справедливое замечание одного интернет-анонимного семинариста по поводу «протяженно-сложенных песен»: «σύντονος — (по Lampe) 1. strained tight, taut (т.е. туго натянутый); 2. intense, eager, vehement of power, esp. desires and actions (усердный, напряженный, страстный); zeal, eagerness in the way of Christian perfection (рвение, усердие, старание). Если я не ошибаюсь, то τῆθημένους происходит от θήγω — (по Дворецкому) 1. делать острым, острить, точить; 2. возбуждать, разгорячать, разжигать; 3. возбуждаться, вспыхивать. Ой, а откуда же взялись «спротяженно сложенные» песни? Может быть, они, наоборот, не протяжные, а распаленные ревностью, отточенные старанием, заостренные усердием? Трудно-то (εργώδής ἐστίν) ведь богослужebные песнопения петь не из-за их длины, а по причине того, что они должны быть ярким и напряженным обращением к Богу».

Не претендуя на последнее слово в деле уяснении смысла задостойника, автор настоящей статьи — **архиепископ Ионафан (Елецких)** — предлагает нижеследующее осмысление и версии переложений **по-церковнорусски, по-русски и по-украински**, которые «укладываются» в напевы осьмогласия, например, на второй сокращённый киевский (светлый) глас:

По церковнорусски:

Любезно, Дево, нам удобное молчание,
Кое всем страхам не причастно.
Но любовь сия нам гимны ткати

Стройнослуженныя утрудняет.
Ты же, Мати, силу *воспевати Тя*,
Елико есть у нас произволение, подай.

Иной перевод по-русски:

Мы возлюбили, Дево, все блаженное молчанье,
Кое от бед и страхов нас хранит!
Но, поелику нас влечёт любовь
И ко сложенью Тебе гимнов стройных,
Ты, Мати, зряще наше изволение,
Дай силу равную ему и вдохновенье!

Поэтическая версия по-русски:

О, Дево! Страх благоговейный пред Тобой
Сомкнул уста в молчании желанном,
Хотя любовь влечёт нас улаживать Тебя,
В усердии сплетая строфы в гимне стройном.
О, Мати, зряще наши устремленья,
Ты, их боренье к миру приведи,
Подай нам **огненную** силу вдохновенья!

По-украински:

Ми любимо святе мовчання, Діво,
Біди і страху не причасне,
Але любов схиляє нас
Зложити й гімни златоструйні!
Ти ж, о Мати, бажань боріння
В душах наших примири
І силу *творчу з Вишини*
Сама в нас нині надихни!

Иные поэтические переложения задостойника Рождества Христова «Любити убо нам» архиепископа Ионафана (Елецких)

1

Желали б мы, из страхов бедствий,
Хранить молчанье пред Тобою, Дево!
Но любовь влечет неодолимо
К сложенью Тебе гимнов стройных.

О, Мати! Желания к согласью приведи,
Подай нам силу вдохновенья,
Дабы нам песнею воспеть Тебя!

2

Любовь к Тебе, о Дево,
Велит всегда хранить нам
Безопасное молчанье...
Но, вопреки сему, та же любовь
Влечёт неумолимо и песнь Тебе соткать
Из слов стройнослуженных!

О, Мати! Возможно ль, примирить когда
В нас двуединое желанье?! Ты Сама
Нам вдохновенье ныне ниспусти
И песнь, достойную Тебя,
Воспеть рабам Твоим благослови!

3

Душе блаженное молчанье
Велит хранить, дабы без страхов бед пребыть,
Священный трепет пред Тобой, о, Дева!
Но любовь к сложенью Тебе гимнов стройных
Влечёт, влечёт к сему неодолимо! ...

Мати! Ты Сама нас силой свыше укрепи
И песнь немолчную, достойную Тебя,
Воспеть рабам Твоим благослови.

4

О Дево! Страх священный
Пред тайной богоматеринства Твоего
Велит хранить устам всех песнотворцев
Блаженное и безопасное молчанье,
Хотя любовь к сложенью гимнов стройных
Влечёт неодолимо нарушить сей завет.

О Мать! Ты Сама,
Желание и трепет душ уравновесив,
Нас вдохновеньем свыше укрепи,
Дабы без страха осужденья
Достойную соткать нам песнь хвалы
И девоматеринству Твоему,
И к нам Твоей любви!

5

Прилично нам, дабы без бед пребыть,
Хранить в молчанье страх перед Тобой,
Но, и любовью движимым к Тебе,
Не суждено, увы, сложить
Всех песен величальных.

Но Ты Сама нам, Мати, помогай
И силой свыше, Дево, укрепляй,
И песнь Тебе немолчную хвалы
Воспеть нам всем подай!

Как видим, смысловые акценты, во всех приведённых переводах и переложениях приведённых выше авторов, разнятся. Но, одновременно есть предощущение, что переводчики задостойника уже *близки к поставленной цели*: изложить гимн лаконично, ясно и *красиво* по-русски.

Но, каков же аутентичный смысл и логика задостойника?

На наш взгляд, верный смысл рождественского гимна следует искать в ответах на вопросы: «А, что же волнует автора задостойника? О каком любезном «удобном молчании» идёт речь? Какой «страх» — устрашение сковывает уста гимнографа? Почему для песнотворчества необходима «сила» Богоматери?

Чтобы рассеялось недоумение, вспомним рассказ из истории древней Церкви, ярко иллюстрирующий острейшее напряжение между сторонниками аскетического богослужения и поборниками т.н. «мирского» чина богослужения с использованием песнопений, составленных по законам языческой поэзии — ритмических канонов, тропарей и кондаков.

Рассказ этот приводит профессор **Н.Д. Успенский** (ЛДА) в своём исследовании древней песенной вечерни и состоит он в следующем: некто авва (отец) Памва, монах-пустынный, на вопрос послушника, вопросившего: «Отчего это мы, монахи, не поём каноны и тропари?», ответил: «Горе нам, чадо, ибо подоспели дни, когда иноки оставят пищу, изреченную Святым Духом (библейски псалмы) и примут земные гимны и мелодические гласы. Придут дни, когда христиане растлят книги святых евангелий, ...пишуще *тропари* и эллинские словеса (стихи)».

«Что касается тропарей и канонов, и употребления мелодических гласов, — вторит ему некий игумен V века, — то **это прилично мирским священникам, чтобы привлечь народ в храмы** (т. е. для миссионерских, катехизических целей — авт.). Монахам же, живущим вдали от мира, таковые вещи не полезны, ибо диавол приманкой тропарей и гласовым пением ввергает их в ров гордости, тщеславия и, наконец, блуда».

Пустынножителей, навывших к несложному речитативному полупению-получтению — к псалмодии, заметил Н.Д. Успенский, смущали и устрашали формы и закономерности античного стихосложения и ладового (гласового) пения в богослужении, они не принимали свободный ритмический перифраз Священного Писания, видя в этом угрозу, веками «намоленному» чину монашеского псалмопения.

Известно, что, сочиняя и исполняя каноны, тропари и стихиры, «светские» песнотворцы и певчие невольно отбивали их словесный ритм, просодию ногой, как это имеет место при прослушивании публикой метроритмических хоровых сочинений.

Яна Лозинская напоминает житие самого преподобного Иоанна Дамаскина, когда он, будучи знаменитым богословом, песнотворцем, оставив придворную должность, поступил в монастырь, строгий старец-наставник для смирения и вхождения в истинно-монашеское устройство духа запретил ему слагать песнопения и заниматься любым литературным творчеством. Выполнение этого запрета требовало от преподобного Иоанна величайшего самоотвержения и стоило ему жестокой внутренней борьбы.

Наконец послушание было нарушено ради любви: умер один из братии монастыря, и по горячей просьбе других монахов Иоанн составил дивные стихиры, которые и поныне входят в чин погребения. Эти стихиры также были *спротяженно сложенными*, то есть ритмическими; именно когда Иоанн, сочиняя их, по обычаю греческих стихотворцев отбивал ритм ногой, старец услышал это ритмическое отстукивание и обнаружил нарушение запрета. Сурово наказан был Иоанн — пока, наконец, Сама Пречистая Дева не явилась старцу в ночном видении и не потребовала дать свободу непревзойденному и вдохновенному песенному творчеству Иоанна.

Та тяжкая борьба, которую вел при исполнении своего мучительного послушания — молчания — преподобный Иоанн, и отразилась в ирмосе 9-й песни его канона Рождеству Христову. Храня молчание, он не подвергал себя беде, не нарушал послушания, и потому, *удобее* было бы продолжать хранить его. Но природное влечение (*произволение*) слагать вдохновенные песнопения делало для него этот искус слишком тяжелым.

В приведённом историческом контексте следует вывод: в задостойнике Рождества Христова, несомненно, обнажена психологическая драма «послушания любви» преп. Иоанна Дамаскина к молитвенному безмолвию — исихии, с одной стороны, и природного влечения поэта (произволения) к «мирскому» искусству античного метроритмического стихосложения — с другой. Иными словами, в задостойнике отражен «конфликт» между монахом и поэтом в одном лице, между аскезой и творчеством, как таковыми.

Разорвать эту «неудобную» коллизию, как следует из текста, сам преподобный Иоанн Дамаскин не может: от имени всех «песнословцев» он обращается к Богоматери, Которая пророчески, в гимнах же, предсказала Её Самоё убажнение всеми родами человеческими. Из его уст звучит просьба о помощи в преодолении в нём внутреннего борения долга молчания и стремления к творчеству через ниспослание всем церковным поэтам особой силы благодати Святого Духа.

Сама Богоматерь, библейски воспевшая Бога в доме праведной Елизаветы («Величит душа Моя Господа»), благословила и осветила поэтическое свободное творчество в Церкви — таков скрытый пафос задостойника преп. Иоанна Дамаскина на праздник Рождества Христова.

Любопытно, что тема утверждения свободного авторского творчества в Церкви прослеживается и в другом известном церковном гимне: *«Твоя песнословцы, Богородице, — живой и независтный Источнике, — лик, себе совокупльшися, духовно утверди, в божественной Твоей Славе венцев Славы сподоби!»*. («О, Богородице, — живой, неиссякаемый Источник! Хор (лик) Твоих песнотворцев духовно укрепи, в божественной Твоей Славе венцев Славы сподоби!»).

Со временем в Церквях греческой традиции споры о стиле пения затихли. В них давно уже произошёл культурный синтез монашеского и «мирского» начал в богослужении: и в соборно-приходских храмах, и в монастырях оно следует единому уставу, согласно которому речитативное чтение псалмов Священного Писания чередуется с мелодическим гласовым (ладовым) пением тропарей и канонов — сочинений, составленных в метроритмах античного стихосложения. Так, в службе Благовещения мы находим ритмический канон, в основание которого положен «виртуальный» диалог между архангелом Гавриилом и Девой Марии. Этот диалог не имеет места собственно в евангельском повествовании и принадлежит области *художественного вымысла*, но в это авторское обрамление включена библейская догматическая истина — «Бог явился на земле во плоти», раскрывается учение Церкви о спасении во Христе рода человеческого.

Нынешние греки (и монахи, и миряне) так свыклись с античными «языческими» метроритмами своих церковных гимнов, что и слышать не желают о введении в богослужение новогреческих *прозаических*

текстов, которые, хотя и понятны разуму, но претят их внутреннему эстетическому чувству, ибо новейшие переводы, увы, лишены красот античных ритмов стихосложения.

(Думается, что нынешние миряне Русской Церкви были бы ни мало шокированы, если бы, войдя в храмы, услышали не «скучную» прозу славянских переводов, а самые настоящие античные метроритмические стихи — тропари, кондаки, повествующие о спасении во Христе, как их слышат в своих храмах православные греки, но на древнегреческом языке).

Свободное литургическое творчество со временем породило феномен великой христианской богослужебной культуры, как части всемирного достояния человечества, как вдохновенного Богом «синтеза искусств»: искусства пения (монодия и полифония), чтения, иконописи, поэзии, архитектуры, изобразительного искусства (живопись), священной «хореографии» (сложный порядок совершения поклонов в афонских монастырях и процессий), искусства огня и дыма (порядок возжигания свечей, совершения каждений, круговращения паникадила на Афоне), книгописания, книгоиздания, музыкальной семиографии (нотописания), дерижирования, искусства священной одежды и сакральных символов (осенение крестным знаком, например), и т.д. Сама книга Типикон (образец совершения богослужений), по сути, есть искусство циклического «либретто» — солнечно-лунного пасхального сценария, музыкальная партитура ладов (гласов), и, даже, книга ритуальной диеты (постов и разрешений от них) на годы вперёд.

В свете всего сказанного, невозможно не согласиться, что полное торжество древнего гимнографического «пустынного» минимализма над свободным «светским» литургическим творчеством в Древней Церкви по своим культурным следствиям привело бы к угасанию художественного потенциала церковного общества, а, в конечном итоге, отрицательно повлияло бы и на самое развитие литературы во всём христианском мире.

Византийская Православная Церковь своим авторитетом благословила «мирскую» гимнографию, включив античные виды ее стихосложения — древнегреческие ритмические тропари, кондаки и каноны — в своё богослужение и наименовав их догматическое содержание своим литургическим Преданием. Среди церковных античных гимнов занимает почётное, праздничное место и задостойник Рождества Христова, утверждающий торжество творческого начала в вечно юной Церкви Спасителя Мира.

[1] Об этом чит. А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнёва «История церковнославянского языка в России. (XIX-XX в., гл. 4, с.125), Российская академия наук. Институт русского языка им. ВВ. Виноградова. Языки русской культуры. М., 2001 г..

[2] Любити убо нам — мы возлюбили, нам любезно.

[3] Безбедное — неопасное.

[4] Страх — в церк. слав. языке — устрашения, ужасные видения, искушающие ум аскета.

[5] Удобнее — лёгкое, благое.

[6] Молчание — безмолвие. Практика непрерывного совершения сердцем т.н. молитвы Иисусовой.

[7] Любовию же — т.е, согласно этой же любви к молчанию.

[8] Песни ткати — т.е. слагать античные строфы стихов, подобно тому, как ткачи ткут полотно из пряжи.

[9] Спротяженносложенныя — стройнослженные, стройнонатянутые, огненные. Ритмические гимны, составленные по законам античного стихосложения.

[10] Неудобно есть — затруднительно, нелегко. Иносказательно — запретно, нежелательно. «Песни ткати спротяженносложенныя неудобно есть...» — вероятно, имеется в виду, что метрическое стихосложение вступает в противоречие с практикой постоянного совершения краткой «умственной» т.н. молитвы Иисусовой, имеющей свою ритмику.

[11] Силу — греч. «энергия», благодать, творческая мощь, вдохновение свыше.

[12] Произволение — изначальное призвание, изволение, желание, склонность к чему-либо.

[13] Дажь — подай.

[14] См. «Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Николая Нахимова. Санкт-Петербург, Синодальная типография, 1912 год.